

Детективная мелодрама

Галина Романова

Дожить до утра

«ЭКСМО»

2001

Романова Г. В.

Дожить до утра / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2001 — (Детективная мелодрама)

ISBN 5-699-02772-6

Было, все было: любовь, работа, мечты. И вдруг, в одночасье, Ксюшка лишилась всего: наемный киллер убил любимого, а какая-то стервоза, потихоньку скупив акции, прибрала к своим рукам ее ателье и магазинчики. Теперь Ксюшка торговала арбузами на базаре. Сосед по коммуналке, знавший молодую женщину еще по тем, «золотым» временам, решает помочь ей. Но, похоже, он захотел влезть туда, куда ему и смотреть-то было запрещено. Для следствия же смерть Владимира представляла определенный интерес. В него выстрелили из пистолета, который проходил по одному делу несколько лет назад. Подозревали в том убийстве Игоря, покойного друга Ксении. Тогда оружие не было найдено. И вдруг... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 5-699-02772-6

© Романова Г. В., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Романова

Дожить до утра

*Отыщи всему начало,
И ты многое поймешь...*

Глава 1

– Арбузы! Арбузы! Дыни! Дыни... Арбузы! Подходи, налетай! Арбузы!..

Хриплый голос уличной торговки тонул в реве проносющихся мимо автомобилей. Но невзирая на отсутствие внимания со стороны потенциальных покупателей, она продолжала голосить, рискуя сорвать и без того надорванное горло. Женщина сидела на маленьком складном стульчике, упершись локтями в колени, и с равнодушием, граничащим с тупостью, смотрела прямо перед собой.

– Арбузы! Арбузы!.. Дыни!..

Она ненавидела и то, и другое. Ей был противен их сладковато-приторный аромат. Как была противна и алчность бесцеремонных ос, роem кружащихся над разрезанными половинками спелых плодов.

– Арбузы! Арбузы! Дыни!..

И чего, спрашивается, орать? Для кого? Если тебя никто не слышит? Вон они, эти торбы с деньгами, мчатся себе на дорогах, сверкающих в заходящем солнце автомобилях, и дела им нет ни до этой постылой горы полосатых арбузов, ни до этой пахучей дынной кучи.

Неподалеку взвизгнули тормоза. Ага! Кажется, кому-то все же захотелось вонзить зубы в сахарную мякоть плодов, возвращенных на благодатных почвах Астрахани.

– Почему арбузы? – деловито осведомилась моложавая дама в соломенной шляпке и потыкала пальцем в выставленную на прилавке половинку.

– Два рубля за кило, – ответила торговка, незаметно убавляя громкость магнитофона, стоящего у нее в ногах. – Будете брать?

– Пока не знаю. – Дама смерила ее высокомерным взглядом водянистых глаз непонятого оттенка и оглушительно взвизгнула: – Степа! Иди сюда, мой милый!

Степа не замедлил явиться. Его обрюзгий живот колыхался над резинкой хлопковых шорт. Шаркая шлепанцами, он подошел к супруге и, с тоской обведя взглядом торговую точку, вопросительно поднял бровь:

– Ну?..

– Что «ну»?! – не понижая голоса, ответила супруга вопросом на вопрос. – Будем брать?

– Зачем?

– Я что-то не совсем понимаю – куда ты едешь? – Дама грозно выпрямилась, подперев мясистые бока руками, и приготовилась вступить с мужем в перепалку. – Я тебя спрашиваю – куда ты едешь?

С интересом, возникшим непонятно по какой причине, продавщица наблюдала за супружеской стычкой, грозящей перерасти в грандиозную ссору. Во всяком случае, женская половина семейства страстно этого желала. Но супруг ее разочаровал. Поиграв желваками на выбритых до синевы скулах и мысленно наверняка послав ее не один раз и не в одно место, он пожал плечами и обронил:

– Бери сколько пожелаешь. Вам, на даче, может быть, и кстати будет. Мне их не есть. Сама знаешь – дела...

Ах, вон в чем дело! Жену с чадами, приплюснутыми носы к стеклу автомобиля, на дачу, а сам, значит, по делам. Отсюда и такая покорность и нежелание идти на поводу у супруги, затевающей склоку.

Понятно, понятно... Наверняка где-нибудь в уютном гнездышке ждет своего героя-любownika длинноногая девчонка-несмышлениш. Ждет, поглядывая на часы. Ждет, томясь одиночеством и предвкушением...

– Взвешивайте! – приказала властная дама, подозрительно смерив взглядом усмехающуюся торговку. – И побыстрее! Нечего тут мне глазами стрелять по чужим мужикам!

Ох, как велико было искушение сказать ей парочку соленьких словечек! Сбить немного спесь с ее разъезженной физиономии. Опустить на грешную землю и заставить взглянуть на себя глазами стороннего наблюдателя. Увидела бы она тогда не властную матрону, а стареющую, весьма подурневшую толстуху, унизанную драгоценностями, нелепо выглядевшими в этот жаркий летний день, с расплывающимся от жары макияжем.

Но она ничего ей не сказала. Молча отпустила товар. Отсчитала сдачу, все вплоть до последней копейки. Даже про себя посочувствовала ей из чисто женской солидарности по поводу мужа-кобеля. Но напоследок все же не удержалась и подмигнула ему, пока супруга упаковывала покупку, неуклюже растопырившись над большой сумкой.

Подмигнула не просто так, а со значением. Вкладывая в это подмаргивание всю порочность красивой мерзавки, на какую была способна. И подумать только – он клюнул! Сразу вспотел сверх всякой меры. Засопел, молниеносно охватив взглядом и супругу, упаковывающую покупки, и детей, томящихся на жаре. Тут же скосил глаза на часы и следом – о боже! – подмигнул ей. И надо было видеть, как он это сделал! Высокомерие плюс снисходительность сквозили в его взгляде, норовя утопить ее в этой чванливо-тошнотворной смеси. Плевать ему было на огромное брюхо, свисающее поверх резинки шорт. Плевать на то, что возраст его уже давно не плейбоевский. Гордость отмеченного женским вниманием самца засквозила в его глазах, от самодовольства он даже вроде бы стал выше ростом и поглядывал на окружающих сверху вниз.

Вот и рассуждай после этого о природе мужской неверности! Сказал ведь кто-то, что такого понятия вообще не существует, а есть всего-навсего попытка самоутверждения или что-то в этом роде. Стоял ведь минуту назад развалина развалиной и томился, а сейчас поди же ты – горы готов свернуть! Даже задышал по-другому!

– Степа?! – вовремя среагировала его супруга, распрямившись и отдуваясь, словно паровоз. – Чего это ты кочетом смотришь?! А ну-ка бери сумки и неси к машине!

Степа сразу обмяк, поскучнел и, с сожалением посмотрев в черные глаза лукавой чертовки, побрел к машине.

Глядя им вслед, продавщица настолько увлеклась, что не заметила, как совсем рядом остановился другой автомобиль. И лишь когда тихий женский голос окликнул ее по имени, она встрепенулась.

– Ксюша! – повторила миловидная женщина в легком пурпурном сарафане. – Очнись! Ты что там, привидение увидела?

– А-а-а, это ты, – равнодушно протянула торговка и вновь уселась на складной стульчик, подперев подбородок кулаком. – Чего приперлась?

– Здравствуй, во-первых. – Голосок, поначалу столь мелодичный, немного изменился, и в нем отчетливо прозвучали металлические нотки. – Надеюсь, поздороваться со мной тебе не трудно, раз уж смотреть в мою сторону ты не хочешь.

– Привет, – буркнула Ксюша и, подумав, добавила: – Здравствуй, Мила. Как твои дела? Как здоровье? Что нового в твоём гостеприимном доме? Как поживает твой мерзавец-муж? Он, конечно, намного приятнее прежнего, но все равно мерзавец.

– Ну, знаешь, хватит! – не выдержала Мила и скорыми шагами приблизилась к подруге. – Мне надоело всякий раз выслушивать, как ты поносишь Максима. Он ничего тебе плохого не сделал! Как раз напротив!..

– Ну, ну... Давай! Чего же ты остановилась? – прищурилась Ксюша и все же соизволила повернуться лицом к Милочке. – Напомни мне, свинье неблагодарной, сколько добра он для меня сделал. Как протянул руку помощи, когда я оказалась почти на самом дне. Как пристроил к своим дружкам-абхазам арбузами торговать...

– И напомню! Черт бы тебя побрал! – Милочка сжала кулачки и со слезой в голосе продолжила: – Плюс к тому же обеспечил тебя жильем, выдернув из лап этих вокзальных негодяев! Да к тому же содержал тебя почти полгода, когда ты была не в состоянии заработать себе на жизнь!

– Ага, – обрадованно подхватила Ксюша. – Плюс к тому же выплата долга за его меценатство только вчера закончилась. И жилье мое, дорогая Мила, всего лишь жалкая девятиметровка в коммунальной квартире. За которую, подчеркиваю особо, я плачу ровно столько же, сколько за свою бывшую трехкомнатную квартиру...

– Но ты же сама знаешь, что это из-за того, что твоя коммуналка расположена в самом центре, – попыталась возразить Милочка, но сделала это как-то не очень уверенно, отчего Ксюша сделала вывод, что супруг с ней не особенно откровенен. – И... ему самому пришлось нелегко, выбивая ее для тебя...

– Ух ты! Оказывается, он хороший! Ой, дура я, дура! Максимка такой хороший, а я его... – дурашливо запричитала Ксюша, обхватив голову руками.

– Какая ты... – Милочка всхлипнула и, всплеснув руками, обессиленно опустилась прямо на арбузную кучу.

– Какая? – прищурилась подруга, сдувая с глаз упавшую прядь.

– Злая ты стала...

– А какая бы ты стала с металлической пластинкой в голове? Что бы с тобой было, с такой нежной, если бы на твоих глазах в упор расстреляли твоего любимого?..

– Я все понимаю... Я все понимаю... – зашептала Милочка, смахивая с розовых щечек слезы. – Но мы-то с Леркой здесь при чем?! Мы же тебя любим! А ты сторонишься нас! Сколько мы тебя просили пожить у нас после того, как...

– Я не желаю больше об этом говорить! – Ксюша встала со стульчика и свысока, как бывало когда-то, посмотрела на подругу. – Утри слезы и уходи. И еще прошу... Оставьте меня в покое. Нет меня больше, понимаешь?! Нет!!! Я умерла вместе с Игорем...

– Но Виктор! – попыталась возразить Милочка и тут же была схвачена сильной рукой за предплечье. – Ты чего?! Мне же больно!..

– Вали отсюда, Милка. Прошу пока по-хорошему... – Угольные глаза Ксении прожигали подругу насквозь, и той на минуту показалось, что она ее сейчас ударит. – И не смейте больше лезть в мою жизнь! Слышите, вы все?! Не смейте!!! А сейчас пошла вон...

Спотыкаясь на высоких каблучках открытых танталеток, утирая влажные ладони о подол помятого сарафанчика, Милочка побрела к своей машине, ярко-алой «Субару» – недавнему подарку супруга, которого Ксюша отчего-то окрестила мерзавцем. На ходу она продолжала всхлипывать, всплескивая руками и что-то еще говорить, причитать, очевидно пытаясь увещевать свою несговорчивую подругу. Но убеждала-то скорее всего себя, стараясь не оставлять в сердце места для обиды и горечи, невольно пробуждающихся при каждой их встрече. Не имела она права ни судить, ни обижаться на Ксению. Все, чего ей хотелось, так это помочь ей. Помочь обрести самое себя. Стать такой, какой она была прежде: сильной, несгибаемой, уверенной в себе. А не той, которая сейчас: опустошенной, озлобленной и... равнодушной.

– Оставь ее, Милочка, – всхлипывала всякий раз на ее плече Валерия, их третья подруга. – Дай ей время. Она сама должна найти в себе силы. Мы ничего не сможем сделать...

– Да?! Я должна сидеть и смотреть, как она превращается в ничто?! Как глаза ее тухнут, взгляд меркнет, сердце останавливается?! Я так не могу! Я должна ей помочь!..

Может быть, Милочка излишне сгущала краски, давая оценку теперешнему состоянию Ксюши, но одно несомненно – она не успокаивалась, пытаясь пробиться сквозь ее ледяной панцирь. Раз за разом, день за днем она ездила на этот участок дороги, где подруга вела торговлю фруктами, и пыталась ее уговорить.

Но Ксюша была весьма крепким орешком. Она смеялась ей в лицо, порой и оскорбляла. Цинично вываливала в грязи все добрые помыслы Милочки, буквально отрешиваясь от их многолетней и верной дружбы. Что за протест выражала тем самым Ксения, бедной Милочке было невдомек, она не очень-то и хотела копаться во всем этом. Она просто не оставляла своих попыток вернуть подругу к жизни, и все. Все остальное было ей неважно...

Глава 2

Одна секунда... Вторая... Негромкий хлопок, и Игорь падает к ее ногам. Ее любимого мужчины, мужчины, за которым она была готова пойти на край света, больше нет. Все кончено... Не будет больше его смеха, его жарких слов любви, его безграничного доверия. Ничего этого больше не будет...

Остановившимся взглядом она смотрит на его тело и медленно поднимает глаза. Маленькая черная точка дула пистолета пляшет в нервной руке ухмыляющегося парня. Почему-то ничто так отчетливо не запомнилось, как грязная каемка под его ногтями и еще эта жуткая ухмылка. Так, должно быть, ухмыляется знаменитая дама в саване, с косой на плече. Криво так, устрашающе и в то же время ободряюще. Не бойся, мол, ничего. Смело вступай на новый путь, где совсем другой отсчет времени. Где нет боли и страха...

С этим Ксюша не могла не согласиться. Время действительно остановилось. Страх тоже почти не было. Вернее, он присутствовал, но ранее, когда они с Игорем собирались, лихорадочно хватая все, что попадалось под руку. Сейчас же осталось лишь недоумение и неверие в то, что какой-то оборванный парень с явными признаками наркомании может лишить ее жизни. Той жизни, что даровали ей ее родители. Той, что она собиралась прожить на всю катушку без остатка. И умереть надеялась в глубокой старости в собственной постели, а не издохнуть так вот нелепо, с дыркой в голове, у ног какого-то дегенерата.

– Э-эй! – шепотом позвал ее киллер. – Гуд-бай...

Это были последние слова в той жизни. Последнее, что она слышала, доживая свой век. Потом ее не стало...

Ксюша оторвала взгляд от их с Игорем фотографии на стене и тяжело вздохнула. Тот парень простился с ней, а заодно и за нее со всеми одновременно. Пусть врачи долгое время бились, пытаясь вдохнуть жизнь в ее ослабевшее тело. А потом она была окружена вниманием, заботой и любовью своих друзей. Она-то точно знала, что ее уже нет. Существовала непонятная субстанция из мяса, костей и кожи, но это был не человек. Это была уже не она...

– Ксюха! – Сосед Володя громко шарахнул кулаком в тонюсенькую фанерную дверь. – Дай полтинник!

Ксюша повернула голову в сторону двери и пораскинула мозгами. Дать денег – значило навлечь на себя и на других обитателей их коммуналки, а их насчитывалось ни много ни мало еще двенадцать человек, неприятности. Выглядело это следующим образом.

Сначала Володя развивал бурную деятельность по приготовлениям к ужину. Он носился с единственной имеющейся у него кастрюлей по кухне, расталкивая всех присутствующих. Разбрызгивал воду, намывая картошку в раковине. Гремел стаканом и тарелками, расставляя все это на общем столе. Затем он бежал в магазин, приносил заветную бутылку водки и, причесавшись перед осколком зеркала в полутемном коридоре, усаживался за стол. Свою комнату в такие моменты он упорно игнорировал. Общество, видите ли, ему было нужно. То, как это самое общество относится к его посиделкам, его совершенно не волновало.

Но самое интересное начиналось потом. Когда бывала выпита добрая половина бутылки, Володя шел, качаясь, к себе в комнату. Доставал из-за шкафа выдавшую виды балалайку и, усевшись поудобнее, начинал петь...

Ксюшу в такие минуты не раз посещали мысли о самоубийстве. И, как она подозревала, в этом желании она была не одинока.

И все же... И все же это ужасное, козлино-петушиное пение, если издаваемые алкоголиком звуки можно было так назвать, было ничто в сравнении с его злобой и ненавистью, в которых он топил своих соседей, отказавших ему в очередном денежном пособии. Оскалив рот, Володя потоками изрыгал на окружающих потоки брани, раз за разом превосходя самого

себя в искусстве сквернословия. Хлипкие двери, за которыми обитатели коммуналки пытались скрыться от Володиного гнева, не могли спасти от его оглушительного рева, поэтому каждый должен был выслушивать постороннее мнение о себе как о личности.

Ксюша поначалу недоумевала по поводу такой покорности со стороны жильцов. Существовали же, в конце концов, соответствующие органы, воспитательные учреждения. О чем она и не преминула однажды заикнуться своей ближайшей соседке, занимающей двенадцатиметровку слева от нее.

– Э-эх, милочка, – качнула седеющими бровями старая женщина. – Пытались... Но после того как вытащили его из петли, решили оставить все как есть. Человек же, не животное...

Сейчас этот самый человек стоял у порога Ксюшиной комнаты и гвоздил кулаком в дверь.

– Ксюха, дай полтинник! – вновь повторил Володя, заинтригованный ее молчанием. – Я знаю – ты дома...

Как он успел отследить ее возвращение, будучи где-то на шабашке, для Ксюши оставалось загадкой. Она свесила ноги с дивана, надернула тапочки и, на ходу взвешивая все «за» и «против», двинулась к двери.

– Ну?! – скрестила она руки перед грудью и угрожающе уставилась на соседа. – Чего орешь?! Чего нужно?!

– А то ты не слышала! – Наглости и бесцеремонности Володи можно было только позабыть. – Гони полтинник. Со мной послезавтра рассчитаются, так что я верну.

– Да ты что?! – Ксюша насмешливо изогнула бровь, решив все же немного его помучить.

– Ты это... – Сосед облизнул пересохшие губы и оперся трясущейся рукой о притолоку. – Хорошо выделяться. Плохо мне...

Повнимательнее присмотревшись к нему, Ксюша поняла, что он не врет. Лицо одутловатое, синюшного оттенка. Губы потрескались. Глаза все в мелкой сетке кровеносных сосудов.

– Да-а-а, – качнула она головой. – Когда-нибудь где-нибудь загнешься, и все...

– А, черт с ним со всем, – повеселев, бесшабашно махнул он рукой, сразу уловив перемену в ее настроении. – Что моя жизнь? За нее копейку никто не даст. Вот ты-то! Вот кто изумляет!..

– Чего?! – Остановившись, едва переступив порог, Ксюша резко развернулась и во все глаза уставилась на разговорившегося вдруг ни с того ни с сего Володю. – С каких это пор моя скромная персона стала тебя интересовать?.

– Уж скажешь – скромная! – осклабился Володя, переступая порог ее комнаты и плотно прикрывая дверь за собой. – Я ведь про тебя почти все знаю. И про то, кем ты была раньше. Не раз случалось в твоём ателье подрабатывать. Только ты тогда была птицей другого полета. Такое быдло, как я, не замечала. И помню, на какой крутой тачке раскатывала. А уж про то, какие мужики вокруг тебя крутились, вообще разговор особый.

Вытащив из ящика комода полсотни, Ксюша сунула ее в протянутую руку Володи и с плохо скрытой злостью процедила:

– А теперь вали отсюда...

– Чего ты? – начал он пятиться к двери. – Чего я тебе плохого-то сказал?

– Я сказала – топай! – не выдержав, рывкнула она. – Разговорился тут!..

Вот тут, конечно, Ксюша дала маху. Ведь знала же, что Володя не любит, когда на него повышают голос, и тем не менее позволила себе грубость, подвигнув его на новые откровения.

– Разговорился, значит?! – змеем зашипел он, машинально пряча деньги в карман замызганных брюк. – По-твоему, со мной уже и поговорить нельзя?! Нечисть я для тебя, так, что ли?!

– Начинается... – обреченно вздохнула Ксюша и рухнула на диван, тут же повернувшись лицом к стене. – Иди, Володя, с богом...

И опять она допустила очередной просчет, поскольку Володя был завзятым атеистом. Минут пятнадцать Ксюша слушала лекцию об опиуме для темных слоев населения и про то,

куда и кто должен идти с ее так называемым богом. Устав стоять, сосед оседлал один из стульев и, перемежая свою речь красочными непечатными выражениями, принялся разглагольствовать о нравах и падении всех современных верующих, постепенно съезжая с этой темы на тему ее, Ксюшиного, падения.

– Вот ты мной брезгуешь, – брызгал слюной не на шутку разволнованный Володя. – А сама?! Сама-то ты кто сейчас?! Шлюхой, конечно, я тебя назвать не могу, потому как ни разу не заметил тебя с кобелями, а вот опустившейся бабой – это да, это пожалуйста. С такой высоты упасть так низко! Ладно бы пила, это понятно... А так ведь трезвая, негулящая, а все равно пропащая... Арбузами торгует! Ха-ха... Кому ни скажи, обсмеются.

– Ты посмеялся? – Ксюша повернула голову, слегка приподнялась на локте и тяжелым взглядом так и пригвоздила соседа к стулу. – Чего ты хочешь?..

– Я... – Поначалу он даже растерялся, но, правда, ненадолго. – Я хочу понять...

– Понять? – Ксюшины брови насмешливо приподнялись. – Понять... Мне бы и самой это не помешало. Только нечего мне тебе сказать, Володечка. Нечего... Понимаешь?

– Не совсем. – Он тряхнул давно не стриженной головой и уставил на нее внимательный взгляд мутных глаз. – Я вот, конечно, спившийся, опустившийся человек. Моральная и нравственная сторона медали для меня давно перестала существовать, но ведь есть и еще кое-что...

– Что? – Ксюшу невольно заинтересовал этот своеобразный диалог, и она окончательно поднялась с подушек. – Ты о деньгах?

– Да...

Володя сорвался с места. Подошел к тонюсенькой двери. Приоткрыл ее и, повертев головой в разные стороны на предмет присутствия любопытствующих, вновь плотно прикрыл.

– Я вот что тебе хочу сказать, Ксюха, – громким шепотом начал он, вновь возвращаясь на свое место. – Я там поговорил кое с кем, покумекал и кое-что понял...

– Ну-ну. – Она постаралась погасить улыбку, невольно вызванную заговорщическим видом соседа.

– Смейся, смейся, – мгновенно среагировал он. – Только вот какая картина получается: ты обеспеченная женщина, даже больше, чем обеспеченная, а прозябаешь в нищете. Несправедливо...

– Это откуда же у меня такое богатство? – совершенно искренне удивилась она, подбирая под себя ноги. – Ты, часом, сегодня уже не опохмелился?

Тот стукнул себя кулаком в грудь, да так, что внутри у него что-то жалобно всхлипнуло, выкатил на нее глаза и твердо изрек:

– Трезв, как никогда!

– Тогда весь твой базар – это следствие необратимого процесса, – печально вздохнула Ксюша и с заметным холодком в голосе предложила: – Иди, Володюшка. Иди, дорогой. Грех смеяться над больным человеком.

– Я ведь тебе могу помочь... – вкрадчиво произнес Володя и пытливо уставился на нее. – Я кое-что знаю об этой стерве...

– О какой? – Против воли плечи у Ксюши напряглись.

– О той, которая акции потихоньку скупил, пока ты в коме валялась. И ателье твоё к рукам прибрала, да еще и про магазинчики не забыла. Сколько их у тебя там насчитывалось? Три?..

– Два, – уточнила она машинально, покусывая нижнюю губу. – Что же ты о ней знаешь? Извини, неправильно поставлен вопрос. Что ты о ней знаешь такого, чего не знаю я?..

– А теперь я перехожу к основной части своего повествования, – сосед оживился и даже потер руки. – Как только ты появилась здесь, я сразу заинтересовался тобой...

– Тронута! – фыркнула Ксюша, перебивая его на полуслове.

– Так вот, – поморщился он. – Я начал копать... Таким, как я, всегда проще доискаться. Потому как на нас никто не обращает внимания. Думаешь, Шерлок Холмс дураком был, маскируясь под оборванцев? Не-ет! Он понимал, что так меньше всего внимания привлечет.

– Ну-ну... – поощрила его Ксюша, невольно заинтригованная сим сумбурным вступлением. – Что же ты узнал?

– Я узнал, что у этой девочки долгов больше, чем дырок в дурашлаге...

– Что?!

– Я знал, что ты удивишься. Так вот. Долгов, значит, у нее выше крыши. К тому же все эти акции скупала она не для себя. И в кресле директорском сидит она сейчас просто так, как часть обстановки.

– А кто же стоит за ней?

– А вот этого я пока не знаю. – Володя встал и, потоптавшись немного, двинулся к двери. – Но не сегодня завтра у меня встреча с одним человеком. Он обещал мне помочь. Тут ведь какое дело, Ксюха...

– Деньги... – выдохнула она и с пониманием кивнула головой. – Но...

– Да не столько деньги, сколько... – Он окинул ее долгим внимательным взглядом. – Тут ведь главное – хочешь ли ты всего этого?..

А вот на этот вопрос она не могла ответить даже самой себе. Вроде бы и да – интересно. Взыграло немного любопытство, разбуженное тихим шелестящим голосом Володи. А с другого бока посмотреть – зачем ей все это? Ради чего? Вернее – ради кого?..

– Сделай это для себя... – тихо промолвил Володя, поразив ее в самое сердце своей пронизательностью. – Сделай это в память о той, которая жила раньше в тебе и которую ты так усиленно хоронишь...

Глава 3

– Как дела, дорогая? – Макс откинулся на диванную подушку, вывернув под немислимым углом шею, и внимательно разглядывал заплаканное лицо своей супруги. – Та-а-ак... Ты опять была у этой сумасшедшей!

– Она не сумасшедшая, – слабо запротестовала Милочка, на ходу снимая обувь и усаживаясь в кресло. – Она просто устала...

– От кого? – иронично поднял он бровь. – От самой себя? Или от собственных бредней заядлой феминистки?

– Она феминистка?! – Против воли Милочка заулыбалась. – Ты просто плохо знаешь Ксюшу, раз считаешь ее таковой. Мужчины всегда были ее жизнью. Ее страстью, если хочешь. Не успевала она освободиться от одного, как тут же в поле зрения появлялся другой. Причем намного лучше предыдущего...

– Вот, вот! – поднял Макс вверх указательный палец. – Это-то ее и сгубило! Она закопалась в мужиках. Перестала отличать в них хорошее от плохого. А пережив потрясение, заклемила всех разом. Разве я не прав? Ведь наверняка меня опять мерзавцем обзывала. Говорила, что моя благотворительность – это не результат сочувственного отношения к ее несчастной судьбе, а что-то гадкое и расчетливое...

Милочка опустила головку и с облегчением вздохнула. Множество вопросов, вызванных откровениями подруги, сверлили ее мозг, пока она добиралась домой. Ведь кое-что из того, о чем поведала ей Ксюша, стало для нее неожиданностью. Но Максик, ее любимый милый Максик, сам завел разговор об этом. Быстренько уничтожив все ее сомнения на свой счет.

– Теперь ты понимаешь? – Он внимательно посмотрел ей в глаза. – Как-то мне надо было ее пробудить! Если ваши слезы и уговоры на нее не действовали, то я решил сделать ставку на ее злобу. Как видишь, угрожая, мне удалось ее немного встряхнуть...

– Максик, – восторженно выдохнула Милочка, сложив ладошки у груди. – Ты прелесть! Я так люблю тебя!

Макс скатился с дивана и уже через мгновение покрывал колени супруги торопливыми, жадными поцелуями. Закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, Милочка задыхалась от восторга.

Боже мой! Они почти два года вместе, два долгих года, но до сих пор она не может спокойно реагировать на его ласки. Всякий раз, как он дотрагивался до нее, Мила забывала о мелких недоразумениях, порой возникающих между ними, о бессонных ночах, проведенных в ожидании мужа. И еще много о чем, чего другому она бы никогда не простила.

– Милая... Милая... Какая ты нежная... – жарко шептал он ей, подхватывая на руки и унося в спальню. – Забудь обо всем. Только ты и я...

Когда спустя полчаса Максим поднялся с помятых простыней, она совсем забыла, о чем же еще хотела его спросить. Разомлев от пьянящего восторга, Милочка изо всех сил моргала слипающимися глазами и пыталась сосредоточиться на чем-то очень важном. На чем-то таком, о чем ей непременно нужно было узнать. Но мысли отчаянно путались, переплетаясь с запретно-сладостными, и она, тяжело вздохнув, решила отложить все это на потом.

– Максик, – еле слышно произнесла она, сладко потянувшись, – ты опять уходишь?

– Да, малыш. – Он озабоченно повертел головой в поисках недостающей детали туалета. – Где мой второй носок? Ты не видела?

– Боже мой, какой носок? О чем ты?... – Она зевнула, прикрыла глаза и уже в полудреме пробормотала: – Я снова одна... Ты опять меня оставляешь...

Глава 4

В воскресенье торговля шла на редкость удачно. Обслуживая очередного покупателя, Ксюша с радостью поглядывала на тающую гору арбузов, подсчитывая про себя дневную выручку – ее работодатель должен остаться доволен.

Но вопреки ожиданиям, Толик с ней даже не поздоровался. Подкатив на грузовой «Газели», он хмуро смерил ликующую Ксению взглядом и коротко приказал:

– Сворачивайся...

– Чего это вдруг? – опешила она не столько от странности приказа, сколько от нелюбезности, явно прозвучавшей в его тоне. – Пять арбузов же всего осталось, я их сейчас за двадцать минут определю. Сегодня за городом фестиваль, вот и скупают их по дороге туда.

– Я сказал, сворачивайся, – процедил он и со злостью принялся кидать непроданный товар в кузов.

Ксюшу это взбесило.

Подумаешь, раскомандовался! Кто он ей вообще? Друг, брат, сват? Вот возьмет сейчас пошлет его куда подальше и отправится домой. И пускай потом Макс рычит на нее и Милка слезу пускает, ей все равно.

Но проявлять свой норв ей не пришлось. Толик ее опередил, захлопнув перед носом дверь кабины.

– Чего это? Даже не подвезешь? – попыталась она улыбнуться, хотя раздражение начало передавливать через край.

– Дойдешь, – хищно оскалился тот и напоследок добавил: – Ты у меня больше не работаешь.

– Чего?! – Ксюша, быстро среагировав, ухватила за проем опущенного стекла и вскочила на подножку. – Чего ты сказал?!

– Пошла вон, паскуда, – выразительно коверкая русские слова, ответил он. – Пошла, а то кишки на колеса намотаю. Ну!!!

– Ах ты, морда абхазская, – тихо и мягко начала Ксюша. – Ты что же думаешь? Если я твоим товаром торгую, то позволю тебе разговаривать со мной в подобном тоне?

– Что?! – Толик побагровел и повернул ключ в замке зажигания.

– Я же тебе, жертва ты обстоятельств, деньги зарабатываю. Тебе, а не кому-нибудь... – Она почти ласково улыбнулась ему. – Кто же дал тебе право, урод ты черномазый, поступать со мной таким образом?

– Каким? – все же поинтересовался он, соизволив повернуть пунцовую физиономию в ее сторону.

– А таким, что в морду тебе хочется плюнуть...

Ксюша не была бы сама собой, если бы не сотворила того, чего ей отчаянно хотелось. И лишь удостоверившись, что ее плевок достиг желаемой цели, она соскочила с подножки.

– А теперь езжай, мой дорогой, – ловко копируя его акцент, разрешила она и помахала ручкой. – Всего тебе хорошего...

– Мы еще встретимся, – пообещал ей Толик и погрозил крепко сжатым кулаком. – И ни один твой приятель-алкаш тебе не поможет...

Плохо расслышав его последние слова из-за шума работающего двигателя «Газели» и рева пролетающих по автостраде автомобилей, Ксюша послала ему вслед воздушный поцелуй, сопроводив его неприличным напутствием. И пускай Толик ничего не слышал, пускай она осталась по его милости без работы, удивительное ощущение освобождения вдруг снизошло на ее покоренную жизнью душу, и впервые за два года она счастливо рассмеялась.

– Что, красавица, может, подвезти?

Проезжавший мимо грузовичок, сработанный в Стране восходящего солнца, остановился рядом с ней, и из окна на нее выдвинулся козырек огромной кепки-аэродрома.

– Определенно я сегодня пользуюсь популярностью у представителей южных народностей, – вполголоса буркнула себе под нос Ксюша и, поубавив веселости, обреченно махнула рукой: – Ну что же, вези. Не шлепать же мне пешком...

Гиви, не в пример своим соплеменникам, оказался на редкость молчаливым. Всю дорогу до ее дома он напевал себе что-то в пышные смоляные усы и почти не обращал на нее внимания. Ксению его поведение несколько не беспокоило. Более того, она была ему очень благодарна за то, что он избавил ее от дурацких комплиментов, высказанных сочным речитативом, и многозначительных взглядов, медленно ползущих по ее фигуре. К слову сказать, не очень-то обремененной одеждой. За все время пути рот он разомкнул лишь дважды – знакомясь с ней и прощаясь.

– Спасибо тебе, – поблагодарила она, убирая деньги, которые он отверг, скользнув по ним презрительным взглядом. – Всего доброго...

Ксения двинулась к своему подъезду, вскинув плетеную сумку на плечо. Но не успела она преодолеть и половину пути, как Гиви окликнул ее.

– Я что тебе хотел сказать... – Выйдя из машины, он подошел к ней. – Этот Толик... Тот, что отъехал от тебя... Он твой хозяин?

– Был, – беспечно улыбнулась Ксюша и тряхнула головой. – Получила расчет только что. И ты знаешь, несколько не огорчаюсь.

– Да? – вроде бы удивился Гиви. Помолчал немного, словно собираясь с мыслями, и, решившись, осторожно произнес: – Ты поостерегись его. Он нехороший человек.

Зная природную тягу их нации к преувеличению, Ксения постаралась сделать серьезное лицо и согласно закивала.

– Не веришь мне. – Гиви прищелкнул языком, добавив что-то на грузинском: – Он никогда никого просто так не рассчитывал. Что-то за этим кроется. Тут слух прошел...

– То есть? – сумел он все же пробудить ее интерес.

– Какой-то бич начал копать не под того, кого надо, и Толяну велели тебя поприжать. – Гиви отчаянно подбирал слова, словно опасался ее обидеть.

– А-а-а при чем здесь я и какой-то бич?! – не удержалась она от восклицания, перебивая его.

– Так этот самый бич вроде как твой посланник, – развел руками Гиви и, потрепав ее по плечу, закончил: – Ты живи как знаешь, но я тебя предупредил...

Он сел в свой грузовичок и укатил, оставив обескураженную Ксению жариться под полуденным зноем. Она молча смотрела, как пыль, поднятая колесами его автомобиля, вновь занимает свое место под солнцем. Как прыгают с ветки на ветку бестолковые воробьи и лениво зевает безымянный пес, развалившийся под скамейкой. Но сдвинуться с места не могла.

Это что же получается? Перекинулась с Володей, с этим неудачником и, кажется, несостоявшимся актеришкой, парой ничего не значащих слов, и он тут же возомнил себя ее духовным отцом? Или, быть может, карающей рукой возмездия?

– Ах ты, мать твою! – произнесла Ксюша еле слышно и сорвалась с места.

Она покажет ему сейчас, как совать нос не в свое дело! Она сейчас выдаст ему по полной программе. Ишь ты, мститель народный! Да какой, к черту, мститель! Заработать мужик захотел, только и всего. Куш сорвать в виде благодарности с ее стороны за несправедливо поправное...

Распаляя себя подобным образом, Ксюша влетела в квартиру и, в два прыжка преодолев коридор, шарахнула пинком в Володину дверь. Та завибрировала, заиграла на полуоторванных петлях и хлипком замке, но устояла. Не успокоившись, не получив отзыва из комнаты, Ксения повторила свою попытку.

– Открывай, мать твою! – рывкнула она и для убедительности еще раз пнула дверь ногой.

Кто и что может устоять перед охваченной яростью женщиной? А если она еще мечет молнии из округлившись карих глаз да часто вздымает высокую грудь, норовящую выпрыгнуть из низкого выреза футболки, то тут пиши – пропало! Не выдержала такого натиска и хилая Володина дверь. Она испуганно распахнулась, впуская разгоряченную соседку, и жалобно заверещала на ржавых петлях, раскачиваясь взад-вперед.

Немного поубавив неистовства, так тщательно разжигаемого в себе, Ксения шагнула в комнату и огляделась.

Колченогий стол у окна. Тумбочка довоенных времен в углу, служащая шкафом и комодом одновременно. У стены, соседствующей с кухней, койка с панцирной сеткой, накрытая непонятного вида тряпьем. И газеты... Уйма газет. Ими был покрыт весь пол. Залеплены грязные стекла окна. Они укрывали стол и тумбочку. И даже на кровати Ксюша разглядела несколько пожелтевших экземпляров. Но самого Володи, нахального хозяина всего этого нелепешего скарба, не было.

Пожалев о своей горячности, обернувшейся для соседа выломанной дверью, Ксюша прошла в общую кухню и оседлала общаковую табуретку.

Стояла та в самом центре, окрас имела неопределенный, но прочностью обладала удивительной. Старожилы поговаривали, что она выдюжила не одно поколение проживавших в этой коммуналке. Неоднократно опускалась на чью-нибудь шальную голову, не раз была сметена чьими-нибудь торопливыми шагами. И что самое интересное – не ломалась. Краска с годами облуплялась, обнажая предыдущий слой, но вот дерево не поддавалось ни баталиям, ни бурным вечеринкам. С годами сей предмет столярного искусства стал культовым. В дни уборок дежуривший по кухне любовно вытирал ее влажной тряпочкой и устанавливал в самый центр.

Там-то сейчас и восседала Ксения, исподлобья поглядывая на сгрудившихся у газовых плит женщин.

– Ну! И где эта скотина? – без всякого вступления начала она, решив, что те наверняка слышала ее гневные выпады у Володиной двери и сейчас лишь разыгрывают дешевый спектакль, прикидываясь непонимающими. – Когда в последний раз вы его видели?

Первой откликнулась обладательница седых бровок. Она повернулась к ней от кастрюли с овсянкой и, выдавив подобие улыбки, пропела:

– Оксаночка, а мы и не слышали, как вы вошли!

Эту гнусную ложь Ксюша решила оставить без внимания, поскольку не услышать ее криков мог разве что глухой. Ну что же! Раз нравится им это представление, почему бы не подыграть?

– Да, – елеинно улыбнулась она в ответ, приглушая зубовой скрежет до минимума. – Это я. И я вошла. И даже более того – я села. И сейчас продолжаю сидеть вот на этой самой чертовой табуретке и смотреть на ваше притворство...

Следует отметить, что среди соседей вторым человеком после Володи, которого побаивались, чурались и при случае старались обойти стороной, была сама Ксения. Мотивы были самые разные. Кому-то не нравилось, что она курит. Кого-то раздражало, что на ее столе частенько появлялась курятина, колбаса, а порой и буженинка, в то время как они жевали макароны с пережаренным луком. А некоторых из тех, кто сейчас упорно игнорировал ее появление, бесило то, как их одинокая соседка одевается.

Нет, ну как, например, может понравиться ее утренний наряд? Тюрбан вокруг вымытых волос, сари из большого полотенца вокруг тела, которое не скрывало, а, наоборот, подчеркивало все прелести ее фигуры. Или эти нелепые белые джинсы. Это же все, что угодно, но только не верхняя одежда! Но попробуй объясни это мужьям, которые лишь переглядывались между собой, провожая ее восторженными вздохами.

– А что ты, собственно, хочешь от нас? – Ее тетка, приехавшая откуда-то с Украины и имевшая весьма склочный характер, все-таки повернулась и исподлобья уставилась на нее.

– Гляди, еще одна меня заметила, – саркастически усмехнулась Ксюша. – Я спросила, где этот змей подколотный? Этот любимец здешней публики, то бишь Володя?..

– А мы что – за ним следить обязаны, раз он тебе нужен? – не сдавалась хохлушка.

Очевидно, сегодняшнее утро не прошло бесследно ни для нее, ни для ее муженька, неосторожно заглянувшего в ванную, где Ксюша принимала душ, забыв запереться. Бедный так и застыл у порога. И если бы не его вездесущая супруга, утащившая его тотчас за волосы, то у парня наверняка случился бы сердечный приступ.

Ревность ее сейчас была настолько очевидна, что Ксения решила оставить бедную Оксану в покое. Но вот третьей даме ей очень хотелось досадить. И раз сейчас представился прекрасный случай, то почему бы им не воспользоваться...

– Нинуля, – тихо, но внятно начала Ксюша, вытягивая шею в сторону молчаливо стоящей у газовой плиты блондинки. – Подними на меня свои славные очи.

Молодая женщина втянула голову в плечи и упорно не поворачивалась, продолжая помешивать что-то на сковороде. Свой молчаливый протест она выражала поскребыванием ложки о поверхность посуды. Да так, что у Ксюши сводило зубы. В другой раз она, может быть, и стерпела бы это, но не сейчас, когда она уже завелась и не в силах была остановиться.

– Нинуля, да полно тебе алюминий соскребать, – попеняла она ей и, встав, медленно пошла по направлению к соседке. – Сдать ты его все равно не сможешь – слишком мало. А ну как в продукт питания попадет, что тогда делать будешь?

Нина повернулась к Ксении и с вызовом посмотрела прямо в ее злые черные глаза.

– Чего ты хочешь от меня, торговка?

Ну и что после этого должна была сделать Ксюша? Конечно, ответить достойно! Что она и исполнила...

Когда через двадцать минут в кухню заглянул Ниночкин муж, то обнаружил свою супругу потирающей покрасневшую щеку и мелко вздрагивающей от еле сдерживаемых рыданий.

– Что здесь происходит? – обвел он взглядом нахохлившихся женщин. – Нин, ты опять?

– Что я?! – взвизгнула та. – Опять я виновата, да?!

Она заголосила и кинулась мимо него бегом к себе в комнату. Супруг недоуменно пожал плечами и, бросив на Ксюшу виноватый взгляд, счел за благо удалиться следом.

– Напрасно вы так, Оксаночка, – мягко попеняла ей седовласая дама. – Пусть она вас ненавидит, пусть даже не пытается этого скрыть, но вы-то умная женщина...

– Возможно, – вяло пожалала Ксюша плечами. – Но мои умственные способности не дают никому права...

Жуткая усталость вдруг накатила на нее, сделав все эти разборки с соседями до нелепости ненужными и бесполезными. Стоило ли колыхать воздух ради того, чтобы поставить на место не в меру зарвавшуюся Ниночку? Ну возомнила та себя бог-весть кем, работая референтом в захудалой фирмочке по продаже цветных телевизоров, ей-то с этого что? Ну шипит ей постоянно вслед всякие мерзости, так ей-то от этого ни жарко ни холодно. Вот ведь завелась непонятно с чего! Лишь головную боль себе нажила...

– Оксаночка, – вновь обратилась к ней ее пожилая соседка. – С вами все в порядке?

– Почти, – криво усмехнулась Ксюша и развернулась к выходу. – Владимира, значит, никто не видел...

– Пропал он, – тихонько шепнула та ей в спину. – Вчера еще его искали... Трое приходили. Он на работу не вышел.

– Да? – Ксюша тормознула у самого порога кухни. – И с чего вы решили, что он пропал? Может, загулял где-нибудь?

– Да что вы, милая! – всплеснула соседка сухонькими ручками. – Он же постоянно здесь дислоцировался. Или вы не знали? Если он пьет, то из дома ни на шаг! А он не пил...

– То есть?

– Два дня до того, как ему исчезнуть, он сидел вот на этой самой табуретке и вел со мной преприятнейшую беседу. Трезв был, опрятен. И вы знаете, на редкость обаятелен. Никогда бы не подумала, что такое возможно...

Чувствуя, как холодеет у нее внутри, Ксюша медленно повернулась и вопросительно уставилась на соседку. Если та ничего не путала, не преувеличивала и не пыталась ввести ее в заблуждение, то Владимир влез туда, куда ему и коситься-то было запрещено. Зная не понаслышке о крутых мерах безопасности, предпринимаемых большими парнями, Ксюша могла предположить лишь самое страшное.

Как показали события следующего дня, опасения ее были обоснованными...

Глава 5

Утро началось на редкость необычно. Перво-наперво с ней поздоровалась Нинка. Не злобно, не ехидно, как бывало обычно, а попросту, шмыгнув при этом носиком. Ксения ей ответила, но на всякий случай скрестила пальцы в карманах бархатного халата, надетого по случаю промозглого утра.

Вторым странным событием стало то, что ничейный кот, подкармливаемый всеми поочередно, не питающий ни к кому особой привязанности и навещающий их коммуналку лишь изредка, вдруг вспрыгнул к Ксюше на колени и принялся урчать.

Тишина в кухне воцарилась мгновенно. Все замерли на своих местах и во все глаза уставились на оторопевшую от неожиданности Ксюшу.

– Не иначе к новостям! – ахнула суеверная Оксана-хохлушка и перекрестилась.

Словно для того, чтобы окончательно лишить их спокойствия, кот спрыгнул на пол, величественно прошествовал к двери Володиной комнаты и улегся на его пороге.

– Он что-то хочет сообщить нам, – зашептала Нина и обняла себя за плечи. – Это не просто так...

– Хватит вам всем молоть чепуху, – постаралась стряхнуть с себя мимолетное оцепенение Ксюша. – Жрать он захотел. Не приходил давно. А последним его Володька кормил, вот и весь секрет.

Женщины осуждающе посмотрели в ее сторону, но спорить не решились. Каждый занялся своим делом, постепенно втягиваясь в ежедневный распорядок раннего утра. Зажурчала вода, загремели кастрюли, зашкворчало на сковородках. Но несмотря на занятость, женщины успевали перебрасываться многозначительными взглядами и время от времени тяжело вздыхать, нагнетая и без того напряженную обстановку.

– Нин, – выскочил из своей комнаты полуодетый Нинкин супруг. – Мы завтракать сегодня будем? Я же на работу опаздываю!..

Та подхватила с газовой горелки чайник. В другую руку взяла сковородку и величественно двинулась к выходу из кухни. На пороге она замешкалась, обернулась и тоном, не оставляющим никаких сомнений, произнесла:

– Я чувствую, что что-то случится! Что-то нехорошее и... может быть, страшное...

Вот и думай потом, что простая русская баба не может обладать способностями заокеанских магов и предсказателей, если менее чем через десять минут их коммуналку наводнили люди, свидание с которыми мало кому бывает приятным.

Первым в квартиру вошел участковый. Взяв под козырек, Серафим Иванович прошел в кухню. Он обвел суровым взглядом помещение, произнес многозначительное «Ну-с?!» и уселся на общаковый табурет.

Следом за ним вошли еще трое. Двое Ксюше были незнакомы, а вот третий...

Этого назойливого, нахального полукровка Ксюша знала как заместителя начальника убойного отдела. Нервишек он помотал ей предостаточно, пытаясь раскрутить заказное убийство ее любимого. И если бы не помощь врачей, втолковывающих парню, что вследствие ранения у нее частичная потеря памяти, то кто знает, как бы все это для нее обернулось...

– О, кого мы видим! – раскинул он руки, прищурившись в сторону Ксюши, раскуривающей сигарету у форточки. – Ксения Николаевна! Вы ли это? Сколько лет, сколько зим...

Ксюша пыхнула струю дыма в форточку и лишь слабо кивнула в ответ на столь своеобразное приветствие.

– Покуриваем? – не унимался между тем он, заметно сокращая расстояние между собой и ею. – А не вредно ли для здоровья? Дым, как известно, на память очень сильно влияет...

– С каких это пор вас мое здоровье стало интересовать? – криво усмехнулась она в его сторону. – Или больше нечем заняться?

– Отчего же, отчего же, – потер он руки и облизнулся, словно в предвкушении неприятнейшего времяпрепровождения. – Мы, собственно, здесь как раз за этим... То есть чтобы заняться...

Ксюша знала, что по части ерничанья над подозреваемыми этому черноглазому менту не было равных. Говаривали даже, что своими шутками он едва не доводил подозреваемых до инфаркта. И лишь с ней у него ничего не вышло. Как он ни старался, как ни упражнялся в острологии, Ксюша лишь пожимала плечами и, глядя прямо перед собой, монотонно отвечала: «Не помню...» То нераскрытое убийство до сих пор висело на нем в разряде таких же «глухарей», и это жутко злило его. А еще больше его злила эта темноволосая баба. Эта стерва со змеиными глазами, которые могли загораться, подобно углям, а их хозяйка совершенно не заботилась о том, какие чувства будит в окружающих этот самый огонь.

Очень часто, допрашивая ее, ему хотелось сломать ее, накричать, ударить или еще того похлеще – растоптать как букашку. Но стоило ей лишь поднять на него глаза, и он терялся. Эта мерзавка, и без него раздавленная жизнью, обладала удивительной способностью к выживанию. И даже сейчас, лишившись всего, чем раньше владела, она не утратила своей природной стойкости и нестигаемости, о чем, возможно, не догадывалась и сама.

– Надеюсь, у вас все? – Ксюша аккуратно подписала протокол и поднялась со своего места. – Мне можно идти... гражданин начальник?

– Да. – Он зло посмотрел на нее и тут же торопливо добавил: – Хотя нет, постой...

Подавив тяжелый вздох, Ксения прислонилась к дверному косяку и посмотрела на него вопросительно. Сказать по правде, она так и не поняла, что он от нее хотел услышать. Два – двадцать минут он задавал ей один и тот же вопрос в разных интерпретациях, получал один и тот же ответ, но все чего-то медлил. Уже давно разошлись все соседи, опрошенные на предмет Володиной смерти. Уже давно истомились сопровождающие его сотрудники, сидя на скамеечке у подъезда, но он продолжал сверлить ее взглядом и монотонно твердить одно и то же.

– Значит, говоришь, что ничего не знаешь? – вновь, как заведенный, повторил мент.

– Так точно. – Ксюша все же не выдержала и спросила то, что давно просилось ей на язык: – Послушайте, а может, вас не столько этот несчастный интересует, сколько я?

– То есть? – прикинулся непонимающим опер.

– Ну... – Она поправила разъехавшиеся полы халата у себя на груди. – Допрашиваете меня дольше, чем других. Вопросы никчемные задаете. А сами на мои ноги тарачитесь...

– Что?! – Он подскочил на месте и в два прыжка подлетел к ней. – Ты чего о себе возомнила?! Если думаешь, что способна заинтересовать кого-то как женщина, то глубоко заблуждаешься! Допрашиваю тебя дольше других? А как ты хотела? Убит человек. Вроде бы с виду безобидный, никому не нужный алкаш. Но тут оказывается, что убит профессионально. Не из какой-нибудь рогатки, не в драке, не бутылкой по голове, а из пистолета, которые в магазинах не продаются и на дороге не валяются. И опять ты рядом!

– И что? – Ксюша невольно отступила под напором молодого сильного мужика, так и пышущего негодованием. – Живу рядом – и всего-то! Он целыми днями ошивался неизвестно где. Мог кому угодно дорогу перейти. И кому, как не вам, должно быть известно, что у нас сейчас убить человека проще, чем, скажем, заплатить ему или долг отдать...

– Да?! – Оперевшись одной рукой о дверной косяк и тем самым лишив ее возможности ретироваться с кухни, он почти вплотную приблизил свое лицо к ее и прошипел: – Не-ет! Я вижу, что ты врешь! Ты что-то знаешь!..

– Я знаю лишь одно... – с вызовом произнесла Ксения и еле слышно выдохнула: – Ты хочешь меня, мент...

Глава 6

Николаев Роман Николаевич, заместитель начальника убойного отдела, с глухим стоном опустился на стул и со злостью швырнул папку с документами на соседний стол.

– На вот, дружок, займись-ка делом, – сопроводил он свой бросок комментарием опешившему от неожиданности сотруднику Лене Усачеву. – А то все ерундой какой-то занимаешься...

– Роман Николаевич, – Леня приложил руку к сердцу, – неправда ваша. Все последнее время исключительно выполняю ваши распоряжения. Пусть они и не всегда мне нравятся. Но здесь, как говорится, выбирать не приходится.

– Ну-ну, поговори. – Роман вытащил сигарету из пачки и принялся растирать ее между большим и указательным пальцами. – Распустил я вас. На шею сели...

Леня решил не возражать. На шею они, конечно, ему не садились, но отношения в отделе действительно сложились почти дружеские. И как ни странно, работе это совсем не мешало. Как раз наоборот, чувствуя твердое плечо товарища, ребята, как могли, друг друга выручали.

Кроме него, в отделе работали еще два сотрудника. Но один из них, Копылов Саша, был сейчас на больничном. Ухитрился же человек в августовский зной подхватить ангину! А второй, Буряков Илья, уехал в отпуск к матери. Жила она где-то на Урале, посему скорого возвращения его никто не ждал. Ребята приготовились все положенные Илье по графику денечки отпахать на совесть за себя и за того парня. А поскольку работы было хоть отбавляй, Николаев и Усачев домой почти не уходили.

– Так, так, – листая тонюсенькую папку, всего лишь день назад выпрошенную в канцелярии, Леня надувал щеки и качал головой. – Ничего... Никто ничего не знает, не видел, не слышал и так далее... Стоп! А это что за Ксения Николаевна? Уж не та ли самая?..

– Та, та, – подтвердил Роман, завесившись плотной пеленой табачного дыма. – И она тоже ничего и никого... Ты знаешь, Леня, когда на меня вешают такое вот дело, то у меня челюсть начинает сводить. Ну просто спасу нет. Ноет, паразитка, ноет...

– Что, и сейчас? – Леня оторвал свой взгляд от исписанных страниц и повнимательнее присмотрелся к шефу. – И сейчас ноет?

– В том-то и дело, что нет, – ухмыльнулся Роман загадочно. – И чую печенкой, что дело все в этой черноглазой сучке.

Он выставил оба пальца с зажатой в них сигаретой в сторону Лени и несколько раз погрозил кому-то незримому, но, так и не решившись ни на какое откровение, лишь качнул головой.

Сказать по правде, Леня был заинтригован. И не столько необычным жестом начальника и его неоконченной фразой, сколько тем, что тот сконцентрировал внимание на цвете глаз этой дамочки. Нет, Николаев, конечно же, имел фотографическую память, мог в деталях описать и внешность, и туалет прошмыгнувшей мимо них в толпе женщины. Он, кстати сказать, и обязан был это уметь, занимая подобную должность.

Но то, как он это произнес...

Всего там было понамешано: и скрежета зубовного, и отвращения, и недовольства собой, но самое главное, что уловило чуткое ухо Леонида, так это хорошо завуалированную скрытую боль.

От неожиданно посетившей его мысли Усачев заерзал на месте, что, естественно, не могло укрыться от всевидящего ока руководства.

– Чего это ты занервничал? – вкрадчиво начал Николаев.

– Я?! – Леня выкатил на него глаза и вторично приложил руку к груди. – Да чтобы я, да ни в жисть, гражданин начальник!

– Хорош куражиться! – неожиданно вспыхнул Роман. – Я тебя насквозь вижу! Думаешь, поймать меня сумел? Ловкач... Устал я, Леня. Очень устал. А эта сука... Она бесит меня, понимаешь? Так бы взял и придушил! Черт!!!

Николаев откинулся на спинку стула и притушил окурок в переполненной пепельнице. Полуприкрыв глаза, он переваривал последние минуты его с Ксенией утреннего разговора и, как ни сложно было ему признаться в этом самому себе, не мог с ней не согласиться. Эта стерва действительно волновала его. Волновала больше, чем ему того хотелось бы. И хотя ему всегда нравились белокожие женщины с мягкими завитками белокурых волос, он не мог не думать о ней.

Сколько раз во время допросов он пытался глядеть на нее с пристрастием, взывая к чувству долга, дремлющему в этот момент. Сколько раз он пытался убедить самого себя, что для красивой женщины в ней слишком много всего: слишком темные волосы, до неприличной глущести черные глаза, да и грудь для леди непристойно высока и упруга. Но отрицать, что ему до зуда в ладонях хочется дотронуться до этой груди, он не мог. Да скорее не в ее безупречном теле была проблема, хотя выточено оно было создателем безукоризненно, а в этих самых чертовых глазах!

Как-то, читая книгу одного из любителей изложить исторический ход событий на свой писательский лад, Николаев наткнулся на описание внешности Екатерины Второй. Так вот этот самый автор написал, что, вопреки всем утверждениям современников, была она на редкость мала ростом. Но обладала удивительной способностью сгибать спины придворных, глядя на них, приподняв подбородок и полуприкрыв веками глаза. Всякому хотелось прочесть что-нибудь важное для себя в ее царственном взоре, вот и выгибался каждый на свой лад. Отсюда-де и миф о ее высоком росте.

Если это правда, то что-то похожее было и у Ксении. Имелся в ее арсенале этот взгляд, особенно бесивший Николаева. В такие моменты ему хотелось схватить ее за плечи, встряхнуть что есть сил, сбросить с нее это надменное оцепенение. Заставить посмотреть на себя широко открытыми глазами, а не прятаться за непроницаемой вуалью полуопущенных ресниц.

Но она оставалась невозмутимой. А он все свое бешенство, все свое нерастраченное негодование хоронил глубоко внутри себя, где набирал силу до времени дремлющий вулкан. Боялся он в этой ситуации лишь одного – взрыва. Поскольку никому бы не смог ответить, что за этим последует...

Глава 7

Володю поминали все.

Сдвинули колченогие столы в кухне. Застелили их клеенками и принялись заставлять снедью, благо готовились весь вечер.

Ксюша во всеобщих приготовлениях участия не принимала. Потому как теперь являлась безработной и вольна была распоряжаться своим временем как хотела, она посвятила большую часть дня беготне по магазинам.

В результате ее хлопот в тарелках сейчас красовались и бутербродики с икоркой, и аппетитные пластинки семги вперемешку с сочными кусками копченого балыка.

– Ишь ты! – и тут не удержалась от завистливого возгласа Нинка. – Видать, неплохо на арбузах зарабатываешь!

– А ты сходи, попробуй, – беззлобно откликнулась Ксения, нарядившаяся по такому случаю в черную трикотажную кофточку, застегнутую наглухо до самой шеи. – Может, и того больше сгрэбешь...

– Нет, у меня не получится. Ты просто везучая. – Нинка махнула рукой и принялась выкладывать в большую глубокую тарелку картофельное пюре. – Не знаю, что там у тебя в прошлом за трагедия произошла. Володька, царствие ему небесное, спьяну что-то болтал здесь такое. Но вернуться с того света, так выглядеть... Да еще и не бедствовать...

– Э-эх, Нинка! – Ксюша взяла нарезанный хлеб и принялась раскладывать его по тарелкам. – Вроде и прожила ты немало, а не понимаешь, какой настоящая беда бывает.

– А чего я должна понимать-то? – Нинка облизнула ложку, пробуя картофель на предмет солености, и недоуменно пожала плечами. – Жива же!

– Может, и так, – не могла не согласиться Ксюша. – Только для меня в настоящий момент беда – это не когда ты мертва. А когда, стоя вот здесь вот, сейчас, живым себя не ощущать.

– Блажь это все, – не унималась соседка. – По мне, так уж лучше жить, чем в земле гнить.

Спорить Ксюша не стала. Лишь глубоко пару раз глубоко вздохнула и окинула внимательным взглядом стол. Вроде все было как положено. Все приборы на месте. В центре стола пустая тарелка. В ней стакан с водкой, накрытый кусочком хлеба, а рядом неизвестно кем оставленная связка Володиных ключей. Имел он такую привычку перепоручать кому-нибудь из соседей свои ключи. На всякий случай, чтобы не потерять спьяну. И тут ее кольнуло! Как же так, ведь одна из соседок говорила, что за два дня до своей смерти он спиртного в рот не брал. Зачем же он тогда ключи оставил?

– Девочки, – Ксюша склонила голову набок и, не отрывая взгляда от злополучной связки ключей, спросила: – А зачем Володя ключи оставлял на этот раз? Ведь он трезвый был.

Женщины, к тому времени покончившие со всеми приготовлениями и устало присевшие на табуретки, недоуменно переглянулись и поочередно пожали плечами.

– Вообще-то он их почти всегда мужику моему оставлял, – откликнулась после паузы Оксана. – Но он сейчас в ванной, как выйдет, спрошу. Но я что-то не видела, чтобы он их сюда клал.

В ее мужика Ксюша вцепилась похлеще опера. И зачем, и когда, и что он говорил при этом, и как выглядел. Несчастный Михайло, так звали мужа Оксаны, аж вспотел от волнения. Шутка ли, он, может быть, последним видел в живых Владимира, а весь разговор с ним ускользнул из его памяти.

– Да не помню я, Оксана, – окал он, опрокидывая рюмку за рюмкой. – Кажется, брякнул что-то вроде «на всякий случай», и все. Если бы я знал, что последний раз его вижу, я бы запомнил. Кому же теперь-то их отдавать?

– В ЖЭК надо сдать, – авторитетно заявил Нинкин муж, к тому времени заметно захмелевший и не спускавший сальных глаз с Ксении. – Правильно я говорю, Ксения Николаевна?

– Может быть, может быть, – рассеянно пробормотала она, совсем не обращая внимания на то, как бесится от ревности Нинка. – А родни у него не было?

Этот, казалось бы, простой вопрос привел всех в недоумение. Народ зашумел, задвигал стульями. Каждый начал что-то припоминать. Но ясность внесла все та же пожилая соседка, расчесавшая на этот раз свои седые волосы на прямой пробор.

– Сын у него, – заявила она, когда многоголосье понемногу затихло. – С матерью живет где-то на окраине. Димкой зовут. Оксаночка, какая же вкусная рыбка. Вы в каком магазине ее покупали?

– А сколько лет отпрыску? – непонятно почему заинтересовалась Ксюша, пропустив мимо ушей последний вопрос соседки.

– Ой, я и не знаю точно. – Соседка отложила вилку с нацепленным кусочком семги на край тарелки и наморщила лоб. – Кажется, шестнадцать. Может, чуть больше или меньше. Я думаю, что комната теперь ему достанется. Помнится, Володя говорил мне, что сын у него прописан.

Для всех эта новость явилась полной неожиданностью, но еще большей неожиданностью стало то, что на следующее утро этот самый сыночек явился по месту прописки и с напряженной полуулыбкой заявил присутствовавшим в тот момент на кухне жильцам о своих правах.

Не надо было быть сверхпроницательным человеком, чтобы с первого взгляда понять: великовозрастное Володино чадо – это олицетворение великого кошмара, после которого папашины посиделки с балалайкой покажутся раем.

Ксюша пропустила момент водворения на родительской жилплощади сего славного дитяти, но все последующие дни имела удовольствие лицезреть его отвратительную физиономию в непосредственной близости от себя.

Глава 8

– Максик, ты несправедлив к ней, – пыталась урезонить не в меру разошедшегося супруга Милочка. – Она старалась...

– Старалась?! – возопил Макс, перекрывая звук телевизора. – Что она делала?! Что?! При каждом удобном случае оскорбляла меня сверх всякой меры?! От тебя отворачивалась?! Валерку посылала куда только можно?! В этом проявлялось ее старание?! Ответь мне!

В гневе Макс был страшен. Желваки играли на скулах. Ежик волос, казалось, еще сильнее ощетинился. А бугры мышц, перекатывающиеся под тонкой футболкой, предостерегали каждого, что в дебаты с ним вступать опасно. Поостереглась и Милочка. Она закусила обиженно губку, поморгала глазками из-за непрошенных слез и, не встретив в лице мужа сочувствия, занялась маникюром.

В конце концов, может быть, Макс и прав. Сколько можно с ней возиться? Они с Леркой от ее постели в больнице не отходили, когда Виктор их туда отвез. Затем навещали каждый день в доме у Виктора. Стоит вспомнить, каких трудов ему стоило уговорить ее пожить у него!

А куда, спрашивается, ей было идти?! Пока лежала в коме, ее предприятие едва не разорилось. Квартиру пришлось отдать за долги. Затем дальше – больше...

Милочка вспомнила, как стойко встретила Ксюша известие о том, что она теперь не является хозяйкой ателье и магазинов, и тяжело вздохнула. Как удалось перекупить акции той милонидной гадине, завладевшей контрольным пакетом, до сих пор для Милочки остается загадкой. Ведь все люди были на редкость преданны Ксюше. Почему же они вдруг так поступили?

– Не стоит забивать себе голову ненужными проблемами. – Макс вернулся из кухни и, потягивая пиво из жестяной банки, внимательно смотрел на попричихшую супругу. – В конце концов, у нее своя жизнь, а у нас своя. Так я говорю, малыш?

– Да, – согласно кивнула она, но глаз не подняла. Пусть помучается, раз позволяет себе голос на нее повышать.

– Эй, – безотказно сработала Милочкина уловка. – Мила, посмотри на меня, котенок...

Далее должен был последовать судорожный вздох, частые взмахи ресницами и в довершение дрожащий голосок, жалобно просящий не обращать на нее внимания.

Макс был, как всегда, раздавлен. Он до боли любил ее. Любил трепетно, нежно, как ребенка. Он и относился к ней, как к большому ребенку, но эта ее подруга...

– Милая, ну пожалуйста, ну прости меня! – Он опустился на пол перед креслом, где она сидела, и положил ей голову на колени. – Я был не прав, накричав на тебя. Ты же здесь ни при чем... Пожалуйста, прости меня...

– Хорошо. – Угрызения совести, как всегда, просыпавшиеся в ней в такие моменты, сдвигли ее на встречные извинения. – Это ты прости меня, Максик. Я больше не буду приставать к тебе с подобными просьбами. В конце концов, действительно, пусть сама во всем разбирается. Ты и так с ней нянчился предостаточно. Я до сих пор не могу без содрогания вспоминать тот вагончик в тупике...

Там они отыскали Ксюшу спустя два месяца после ее ухода от Виктора. Они облазили весь город, прежде чем наткнулись на ее след. Благо подруга имела колоритную фигуру, которую трудно было скрыть под самой затрапезной одеждой, и лицо, обращающее на себя внимание даже с выражением полного равнодушия ко всему окружающему.

Вагончик этот, облюбованный бездомными и кишевший насекомыми, давно числился по документам уничтоженным и стоял в самом дальнем тупике. Но то ли руки у руководства вокзала до него не доходили, то ли жалко было сырых и лишенных крова, но он существовал там вот уже добрых три года.

Ксюша лежала на верхней полке на облезлом матрасе и невидящими глазами смотрела в окно.

Подруги, подталкиваемые сзади нетерпеливым Максом, застыли, прижимая руки к груди, в немом изумлении, не в силах проронить ни слова.

– Ксю-ю-ша, – заикаясь, позвала ее Валерия. – Ты ли это?!

Ксения свесила с полки растрепанную голову и, окинув пустым взглядом всю троицу, не проронила ни слова.

– Идем отсюда немедленно! – попыталась действовать с места в карьер Милочка. – У нас мало времени!..

Тогда подруга свесила правую руку и слабым шевелением кисти попросила их убраться вон.

С Милочкой случилась истерика. Она стонала, билась в рыданиях, умоляла, но Ксюша лишь молча отвернулась от них.

Дома Макс напоил жену успокоительным. Взял на руки и долго носил по комнате, баюкая, словно младенца. А наутро Милочка взяла с него слово, что он вытащит Ксюшу из этой клоаки.

Макс слово свое сдержал, но, как сейчас оказалось, проблемы на этом не закончились.

Глава 9

Ксюша смотрела в окно и дивилась умиротворению, царившему в природе. Ни одна веточка не шелохнется. Ни один листок не дрогнет. Природа настойчиво приглашала утомленных вечной суетой людей предаться блаженному состоянию покоя.

– Да уж! – ворчливо произнесла Ксюша, отрывая руки от подоконника и поправляя тюлевую занавеску. – Отдохнешь тут...

Недовольство ее объяснялось прежде всего тем, что новый сосед, то бишь семнадцатилетний сын покойного Володи, свое водворение на отцовской жилплощади начал с того, что объявил негласную войну ей – Ксюше. Поначалу это ее забавляло, хоть какая-то да встряска на фоне серой унылости ее существования, но затем...

Затем проблемы стали серьезнее. То вода отключится в тот момент, когда она намыливает голову в ванной, хоть на манер героя «Двенадцати стульев» выбегай на лестничную клетку голышом. То в супе окажется содержимое сахарницы с соседского стола, что опять же влекло за собой неприятности. То белье, замоченное в тазике, она обнаруживала вываленным прямо на пол. Ну как тут не взбеситься!

Ксюша потихоньку свирепела, но, подобно хищнику морских глубин, к жертве не приближалась, а лишь нарезала вокруг нее широкие круги. Но день за днем радиус этих кругов становился все меньше и меньше.

И вот в один прекрасный момент, когда, открыв дверь и обнаружив на своем пороге пару дохлых крыс, Ксения едва не лишилась дара речи, она поняла, что настала пора действовать.

Дмитрий открыл ей почти сразу. У нее даже сложилось впечатление, что он давно ее поджидал.

– Вы ко мне? – Белесые ресницы над наглыми голубоватыми глазами изумленно взлетели вверх.

Проигнорировав вопрос, она подняла кверху удерживаемых за хвосты крыс и молча сунула их ему в нос.

Подумать только, он даже не отпрянул, хотя она могла поклясться, что все-таки коснулась тушками его лица. То ли парень не почувствовал, то ли выдержки ему было не занимать.

– Твоя работа?! – прошипела Ксюша и швырнула крыс на середину комнаты.

Дмитрий молчал. Отступив чуть в сторону, он прищурил один глаз и с ядовитой ухмылкой наблюдал за неистовством своей соседки. Сказать по правде, его это забавляло. Как он старался все эти несколько дней. Как пытался вывести ее из равновесия, но ей все было нипочем. А тут, подумать только, взбесилась из-за парочки каких-то дохлых животных.

Ксения между тем прошла в комнату и принялась вышагивать от двери к окну, заложив руки за спину.

– И долго это будет продолжаться? – нарушила она тишину после непродолжительной паузы. – Можно полюбопытствовать – отчего это из всех, кто тебя окружает, ты выбрал объектом для издевательств именно меня?

Он молчал, но ухмылка стала еще более едкой.

– Чего молчишь, белобрысый? – Она подошла к нему почти вплотную. – Чего тебе от меня нужно?

– Ничего, – выдал он и недоуменно пожал плечами. – Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. О каких-то издевательствах... У меня и в мыслях-то никогда подобного не могло быть...

– Во-он как?! – Ксюша поприспальнее пригляделась к нему.

Высокий, но, судя по сутулости и некрепости кости, еще вымахает на голову. Достаточно широк в плечах. Мускулатура развита, как у грузчика. Именно грузчика – в тренажерных залах

такие мышцы не смастеришь. Да и мозоли на широких ладонях красноречивее всяких слов подтверждали ее догадку – парень успел потрудиться за свою недолгую жизнь.

Волосы жесткие и совершенно белые, как, впрочем, и брови с ресницами.

– Альбинос, – вслух прошептала она, блуждая взглядом по застывшему в метре от нее юноше.

Глаза чуть тронутые голубизной и глубоко посаженные. Выражение их можно было бы прочесть, лишь приблизившись к ним вплотную, но Ксюша не рискнула. Стоило взглянуть на узкую полоску поджатых губ, как сразу становилось понятно – парень опасен.

– В общем, слушай, – вдоволь наглядевшись на соседа, оборвала Ксюша молчание. – Еще раз приблизишься к моей комнате, к моим вещам, или что еще взбредет в твою белокурую голову, узнаешь по-настоящему, какой я могу быть гадиной...

Говорить этого она совсем не собиралась. Сама не знала, как это у нее вырвалось, но, бросив ему вызов, отступить уже не могла.

С этого дня соседи, затаив дыхание, следили за ходом военных действий, разворачивающихся в квартире. Их головы поочередно поворачивались то в одну, то в другую сторону, ожидая ответного удара одного из сцепившихся противников. Те в средствах не были особенно разборчивы. В ход шло все: перевернутые кастрюли с варевом, кучи мусора у порога, забитые спичками замочные скважины и многие другие пакости. Ксюша, поначалу дивившаяся изобретательности соседа, постепенно увлеклась процессом отмщения и уже через две недели могла с твердой уверенностью сказать, что в паскудстве выходок она нисколько ему не уступает.

– Ничего, – приговаривала она, убирая следы разрушений после очередного соседского контрнаступления. – Я теперь безработная. Времени у меня предостаточно. Так что держись, Диман!..

И Диман держался. Более того! Чем больше проходило времени, тем азартнее он становился. Если поначалу в движениях его наблюдалась некоторая скованность, во взгляде настороженность, а в речах нервозность, то по истечении времени все эти факторы постепенно сошли на нет. И Ксения уже с трудом узнавала в самоуверенном, вечно улыбающемся и вальяжном молодом человеке того белобрысого угрюмого парня, который появился в их коммуналке всего лишь месяц назад.

– Ой, что-то будет дальше?! – шептались соседки, шустря у газовых плит. – Ой, добра не будет! Кто-то из них рано или поздно да проиграет!..

Но в этой войне не оказалось ни победителя, ни побежденного...

Глава 10

– Доброе утро! – Дмитрий широко улыбнулся и согнулся в шутовском полупоклоне, приветствуя стоящую у окна Ксению. – Как спалось?

Она оглянулась и смерила его хмурым взглядом. Если он решил испытывать сегодня с утра ее долготерпение, то сильно просчитался. Голова разболелась еще с вечера. Всю ночь мучили кошмары. А в довершение ко всему под утро приснился Тимошка, сын покойного Игоря. Ребенок протягивал к ней худенькие ручонки и просил забрать его от матери. Зрелище было душераздирающим, поэтому, проснувшись, Ксюша пребывала в самом скверном расположении духа.

– У вас что-то со слухом, – вроде бы опечаленно выдохнул сосед и уселся за свой колченогий стол в углу. – Видимо, вас с вечера что-то потревожило...

И опять она не клюнула на его удочку. Ну, слышала она, что он что-то мастерит у нее под дверью. Ну, рвануло что-то потом, оглушив ее невероятно. Ну и что? По физиономии ему все равно не надаешь, поскольку он головы на полторы выше. Для вендетты время не совсем подходящее. Да она и не успела пока придумать ничего достойного. И голова... Такая боль, что впору в петлю залезть. И сон этот к тому же...

По Тимошке она тосковала. Тосковала с тех самых пор, как, очнувшись в больнице, узнала, что мальчика взяла к себе опомнившаяся мать.

– Ты должен забрать его у нее! – просила Ксюша Виктора. – Хотя бы в память о брате! Сделай что-нибудь! Он ведь твой племянник!

Она просила, требовала, плакала, вспоминая, как последний раз поцеловал сына Игорь, не подозревавший, что прощается навсегда. Но Виктор, пряча глаза, лишь разводил руками.

– Ксюшенька, – виновато объяснялся он, держа ее за руку. – Я пытался. Я очень многих людей подключал, но она мать... Бросила пить. Устроилась на работу. Я бессилен...

Много позже, выйдя из больницы, она разыскала их новый адрес и, часами простаивая на улице, ждала малыша. Но тот появился в сопровождении матери. То ли действительно доселе дремавший инстинкт вдруг проснулся и заявил о себе в полный голос, то ли чувство вины перед сыном наставило ее на путь истинный, но женщина, ведущая ребенка за руку, была олицетворением нежности и доброты. И если Ксюша, не видя их, еще на что-то надеялась, то тут отступила...

– Что ты сказал? – До нее наконец дошло, что сосед о чем-то ее спрашивает раз, наверное, в третий.

– Я говорю – бутерброд не желаете? – Он держал в руке кусок хлеба и с самой приветливой улыбкой протягивал его ей.

– А с чем? – Она сделала в его сторону пару шагов и присмотрелась к непонятной массе, горкой наложенной на хлеб.

Тот премемерно улыбался и молчал. И лишь повнимательнее приглядевшись, она поняла причину его радости. На кусочке хлеба, аккуратно уложенные в ряд, возлежали жареные лягушачьи лапки.

– Ну ты... Ну ты... – Ксюша замотала головой, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. – Тебе же в зверинце место! Ты это понимаешь?!

– Не-а, – еще шире заулыбался он, молниеносно записав в свой актив еще два очка. – Я думал, что вам понравится...

И тут, подстегиваемая тупыми ударами головной боли, она не сдержалась. Выбросив вперед правую ногу в спортивном ботинке, Ксюша что есть силы ударила по его протянутой руке, а следующий удар направила прямо в его ухмыляющуюся физиономию.

Удар получился достаточно сильным.

Отпрянув к стене, Димка ошарашенно уставился на нее, совсем не обращая внимания на то, как закапала с верхней губы кровь на рубашку. Глаза его, доселе прищуренные в ехидной ухмылке, широко распахнулись, и Ксюшу обдало растерянностью и отчаянием. Взгляд этот поразил ее настолько, что она выскочила сломя голову из кухни, а затем и из квартиры. И, не сбавляя скорости, понеслась по проспекту в сторону набережной.

Глава 11

Максим окинул взглядом в зеркале заднего вида стайку длинноногих школьниц и, хмыкнув каким-то одному ему ведомым мыслям, не торопясь поехал по проспекту. Где-то здесь должна была быть сейчас эта психованная. Во всяком случае, соседи сказали, что она помчалась именно в эту сторону. Вот ведь лишняя заморочка на его бедную голову. Как убеждал супругу, как уговаривал – все бесполезно. Подруга, видите ли, она ей! А ему что с этого? Лишние напряги...

– Тварь неблагодарная! – Макс вполголоса выругался.

Ей бы ему руки целовать, а она мерзавцем величает. А за что, спрашивается?

– Дура баба! – вновь не стерпел он, вспомнив, как всякий раз при встрече прожигала его Ксения взглядом. – Как есть дура!..

Он с силой сжал в руках руль и отчаянно мотнул головой. Ну зачем ему все это?! За что?! Ведь его женой является Людмила, а не эта черноглазая стервозина. Ведь это Милочке поклялся он в вечной любви и верности, а не ее подруге! Езди вот теперь, ищи ее, эту ведьму полоумную. Пусть не верит он ей, пусть порой противна она ему до невыносимости, но предупредить и предостеречь ее от неверного шага он просто обязан. Иначе как потом в глаза Милке смотреть? И хотя та сделала вид и даже попыталась убедить его в том, что не будет больше волноваться по этому поводу и приставать к нему с просьбами, он-то хорошо знал, что это всего-навсего уловка...

– Ага, а вот и она! – обрадовался он, углядев знакомую точеную фигурку, склонившуюся над парашютом набережной. – Чаек кормит, мать твою...

Приближение Максима Ксения почувствовала еще издали. Никакого толкового объяснения этому феномену она дать не могла. Но когда чувствовала странный холодок в области шейных позвонков, то знала наверняка – кто-то ищет с ней встречи. И этот кто-то ей не совсем приятен.

Максима она терпеть не могла. Не то чтобы люто и безнадежно, но чувство презрительной непереносимости его присутствия прочно укоренилось в ее сердце, и поделаться с этим она ничего не могла.

Милочка, заламывая ручки, часто пыталась пробить эту стену неприятия и сблизить их немного, если подружить не удалось. Но ее попытки не увенчались успехом. При встречах Максим и Ксения непременно начинали обмениваться колкостями, превосходя друг друга в искусстве пикировки.

– Ну почему, Ксюша?! – расстраивалась всякий раз подруга. – Ну объясни, почему?!

Ну как ей, дурочке, объяснить? Соврать – она сразу поймет. Сказать правду – не поверит. Пусть уж остается все как есть: он – хороший, она – опустившаяся дрянь...

– Птичек кормим? – ехидно поинтересовался Максим, отстояв за ее спиной минуты четыре.

– Тебе что? – не поворачиваясь, отрезала Ксюша, но внутренне напряглась – неспроста этот дружок ее разыскал, ох неспроста...

– Мне-то ничего. Крошек, что ли, хлебных жалко? – Он несколько секунд помолчал и без перехода зашипел ненавидяще: – Ты что же, сука, мне опять головной боли прибавляешь?! Сколько мне можно из-за тебя от дерьма очищаться?!

– Комментарии последуют, или мне стоять и ждать, пока ты на меня весь свой яд выплюнешь? – перебила его Ксюша, поморщившись.

– Сядь в машину! – рыкнул Максим, не оставляя ей никаких шансов для отказа.

Он пошел прочь от нее к машине и уже через минуту втискивал свое крупное тело на заднее сиденье. Отстояв положенные пять минут для того, чтобы собраться с мыслями и унять клочущее негодование внутри себя, Ксюша не торопясь двинулась к его «Ситроену».

– Ну и что на этот раз? – вальяжно откинулась она на заднем сиденье. – Кто настучал на меня сегодня? Или, быть может, у кого-то по моей вине вновь пропала эрекция?

– Ох, господи! – простонал Макс, обхватив голову руками. – Ты не представляешь, как велико искушение придушить тебя! Взять твою хрупкую смуглую шейку вот этими руками и сдавить. Слушать хруст твоих позвонков и наслаждаться.

– И что, это вызвало бы большое наслаждение? – не дрогнула от такого откровения Ксения. – Неужели осознавать, что меня никогда не будет рядом с тобой, настолько приятнее, чем ощущать мое тело в непосредственной близости? Что молчишь, господин маньяк?

Он вытянул перед собой обе ладони, широко раздвинув при этом пальцы, и несколько минут беззвучно шевелил губами.

Ксюша не перебивала. Ну, хочется ему вернуть утраченное самообладание, почему бы не помочь парню? Она вытащила из кармана пачку сигарет, зажигалку и с удовольствием затащила...

– Сто десять, – выдохнул наконец Максим и уже почти спокойно начал: – В общем, слушай, Ксюша... Я долго терпел твои выходки. Ты знаешь, из-за кого я смотрел на все это сквозь пальцы. Но теперь ты перешла все границы.

– Можно узнать – чьи? – выпустила она ему прямо в лицо клуб дыма.

– Не знаю! – Он снова начал закипать. – Но мне совсем не нужно, чтобы из-за тебя на меня наезжали большие ребята! Чтобы ко мне в офис среди бела дня вваливалась толпа и, бряцающая оружием, мне начинала грозить! У меня легальный бизнес. Кому надо, я исправно плачу...

– А вот не надо было свое влияние утрачивать, – ловко ввернула Ксюша, припоминая, как, вернувшись из изгнания, Макс рассказывал всем, что отказался от всех титулов и постов, которые ему прочила братва. – И не платил бы сейчас, а тебе бы платили...

Она, конечно же, знала, что он врет. В глубине души презирала его и за это тоже. Но не признаваться же ему в этом прямо сейчас, когда он на пределе?

– Ты же, сука, прекрасно знаешь, из-за кого я это сделал! – Голос его зазвенел от напряжения. – Я люблю ее! И хочу, чтобы она была счастлива! Мы – прекрасная семья!

– О!.. – Она поперхнулась дымом и отчаянно закашлялась. – Твою любовь и преданность я успела оценить по достоинству!

– Ты чего городишь?! – Он схватил ее за блузку и, почти не понимая, что делает, рванул на себя. – В общем, я тебя предупреждаю: сидеть тихо, никуда не соваться, ни под кого не копать. Иначе...

– Что?

– Иначе следующая дырка в твоей башке будет последней. – Он отшвырнул оторопевшую Ксению от себя и тоном, не терпящим возражений, приказал: – Не дай бог куда сунешься без моего ведома – убью сам! А теперь иди...

Неторопливо поправив блузку, помятую грубой рукой Максима, Ксюша вызывающе вздернула подбородок и с достоинством королевы вышла из машины.

Ох как велик был соблазн наговорить этому твердолобому мужику дерзостей. Дать понять, что она не какая-нибудь трусиха, способная испугаться его выпученных гневных глаз. Но душой Ксюша тоже никогда не была. Поэтому, молниеносно раскинув мозгами, решила, что для подобных откровений момент не самый подходящий.

Максим между тем уселся на свое водительское место и, опустив стекло, еще раз пригрозил:

– Не смей рыпаться!

– Ох, ох, ох, какие мы важные, – скорчила она ему вслед препротивную гримасу. – Только нужно по-настоящему знать женщин, осел...

Глава 12

Николаев проспал почти до обеда. Редкую ночь удается спокойно поспать, а тут шутка ли – заслуженный, едва ли не зубами выцарапанный выходной. Тут уж сам бог велел отоспаться.

Он выпростал руку из-под одеяла, нашарил в изголовье будильник и, бросив взгляд на стрелки, удовлетворенно заулыбался. Ребята сейчас, должно быть, трудятся на полную катушку, благо все в сборе, а он полеживает себе и горя не знает.

Солнце заливало его однокомнатную квартирку, скрадывая скудность мебелировки. В его лучах плясала пыль, скопившаяся в углах.

Николаев огляделся вокруг и не без раздражения отметил, что женской руки в доме все же не хватает. Вон и обои потрескались под потолком, и окна давно не мыты. А о горах грязной посуды в кухне и кучах белья в ванной и вспоминать не хочется.

Он на минуту зажмурился, представив, как хлопочет около него миловидная блондиночка в клетчатом передничке, смахивая несуществующую пыль с мебели или подавая на стол вкусные блюда. Но почти тут же, безгласно сморщившись, прогнал от себя это видение.

Во-первых, он никогда не появлялся дома к обеду. Совсем не близко располагалось его родное учреждение.

А во-вторых... А во-вторых, образ заботливой белокурой супруги тотчас исчез под напором другого, более колоритного.

Та, другая женщина не прыгала вокруг него, пытаясь угодить. Не мельтешила перед глазами с пылесосом и кастрюлями. Она сидела напротив и просто смотрела на него. И было в этом взгляде все, о чем только может мечтать мужчина: и любовь, и нежность, и страсть, и желание.

– Она никогда не смотрела на меня так, – с горечью прошептал Роман. – И вряд ли посмотрит...

В том чувстве, которое, продираясь изнутри, пыталось вырваться наружу, Николаев боялся признаться даже самому себе. Он плевался, когда в его присутствии о ней заговаривали сотрудники, пытался сквернословить в ее адрес и сыпать насмешками, но факт оставался фактом – не думать о ней он не мог. И самое главное: чем больше он о ней думал, тем хуже ему становилось.

А все дело было в том, что за всю свою жизнь, за все свои тридцать восемь лет, Николаев никогда не влюблялся. Нет, конечно же, у мужчины с такой броской внешностью были женщины. Много женщин... Но в его сердце и мыслях поселиться не смогла ни одна из них. Работа, работа и еще раз работа. Она была его матерью, женой и любовницей. Ей он посвящал и зимние вечера, и летние ночи, походя срывая торопливые ласки безликой вереницы несостоявшихся жен и подруг. Это ей он писал послание за посланием вместо романтических стихов и признаний в любви, преумножая тома дел и протоколов дознаний на полках. И это его устраивало! Он был почти счастлив. Нет, конечно же, случалось, что царапнет что-то где-то, когда слушал восторженные речи коллег по работе о первых молочных зубах и первых робких шагах первенцев, но все это было так мимолетно, так малоощутимо, что Роман почти тут же забывал об этом.

Но вот сейчас... Сейчас его зацепило, и зацепило крепко. Удивительно, но исчезло куда-то и идолопоклонение работе. То, без чего он раньше не представлял себе существования, вдруг отошло на второй план и сделалось менее значимым в сравнении с этим чувством. Он бы, может, и справился со всем этим, если бы не мать...

Пару недель назад, усадив его против себя в своем крошечном будуаре, расположенном за их с отцом спальней, она провела морщинистой рукой по его волосам и тихо промолвила:

– Ромочка, что с тобой, детка? Не тревожь ты материнское сердце, расскажи.

– Мать, да ты чего? – опешил он от неожиданности и попытался встать со своего места.

– Не уходи, прошу тебя, – она встревоженно смотрела ему в лицо. – Ты так редко бываешь у нас, но мы не обижаемся. Ты очень взрослый. У тебя такая работа. Каждый твой визит к нам – это праздник.

– Ма, да я знаю. – Роман почувствовал неловкость. – Ты наготовила всего...

– Я сейчас не об этом, – мягко перебила она его.

– А о чем?

– С тобой что-то происходит... И не смей отрицать! Материнское сердце чувствует. – Увидев, что смутила сына, она попыталась пошутить: – К тому же твоя мать имеет в трех поколениях цыганок-колдуний, а нас, как известно, обмануть непросто. У тебя неприятности по службе?

– Нет. Там все в порядке. – И чтобы окончательно развеять ее опасения, приложил руку к груди. – Клянусь, ма! На работе все в порядке.

– Тогда это женщина! – обрадованно выдохнула она. – Я это поняла, едва ты вошел.

– Что ты поняла? – Роману сделалось совсем нехорошо – если его чувства так отчетливо видны окружающим, то какой он, к черту, сыщик...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.